

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Научная статья
УДК 343.8(4/9)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ЦИФРОВОГО СЛЕЖЕНИЯ ЗА ОСУЖДЕННЫМИ

Надежда Андреевна Силантьева¹

¹ Сургутский государственный университет, г. Сургут, Россия, nade2010@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0001-0043-877X>

Аннотация. Объектом исследования является институт электронного мониторинга осужденных и иных категорий подконтрольных лиц в уголовно-исполнительной системе некоторых зарубежных стран. Предмет исследования составляют правовые основы, практика применения и институциональные модели электронного мониторинга в США, Франции и Германии. Цель статьи заключается в выявлении специфики функционирования электронного мониторинга в названных странах, сопоставлении их опыта с российской практикой и определении направлений его адаптации с учетом специфики отечественной уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: электронный мониторинг, пенитенциарная система, альтернативные меры наказания, пробация, цифровое слежение, США, Франция, Германия

Для цитирования

Силантьева Н. А. Международный опыт применения технологий цифрового слежения за осужденными // Человек: преступление и наказание. 2026. Т. 34(1–4), № 1. С. 52–61.

ABROAD

Original article

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN THE USE OF DIGITAL TRACKING TECHNOLOGIES FOR CONVICTS

Nadezhda Andreevna Silantyeva¹

¹ Surgut State University, Surgut, Russia, nade2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-0043-877X>

Abstract. The object of the research is the institute of electronic monitoring of convicts and other categories of controlled persons in the penal system of some foreign countries. The subject of the research is the legal framework, application practice and institutional models of electronic monitoring in the USA, France and Germany. The purpose of the work is to identify the specifics of the functioning of electronic monitoring in these countries, compare their experience with Russian practice and determine the directions of its adaptation, taking into account the specifics of the domestic penal system.

Keywords: electronic monitoring, penal system, alternative punishment measures, probation, digital surveillance, USA, France, Germany

For citation

Silantyeva, N. A. 2026, 'International experience in the use of digital tracking technologies for convicts', *Man: crime and punishment*, vol. 34(1–4), iss. 1, pp. 52–61.

Введение

Современные пенитенциарные системы сталкиваются с необходимостью поиска баланса между задачами обеспечения безопасности общества, защитой прав личности и соблюдением их конституционных гарантий. Одним из инструментов, позволяющих достичь компромисс между изоляцией преступников и мерами, не связанными с лишением свободы, является электронный мониторинг. Данная технология в последние десятилетия получила широкое распространение в зарубежных странах и постепенно внедряется в России.

Цель статьи – выявить специфику применения электронного мониторинга в США, Франции и Германии, сопоставить их опыт с российской практикой и определить направления, которые могут быть полезны для совершенствования отечественной уголовно-исполнительной системы.

США: между масштабом и вариативностью

Американская система электронного мониторинга стала частью пенитенциарной системы еще в 1980-е годы, когда «Верховный суд штата Нью-Мексико разрешил использование электронных систем слежения и уполномочил судей штата приговаривать лиц, впервые совершивших преступление, к домашнему аресту с обязательным ношением ножных электронных браслетов» [1]. На современном этапе электронное наблюдение применяется практически во всех штатах преимущественно в отношении лиц, находящихся на probation или условно-досрочном освобождении, а также к тем, кто осужден за ненасильственные преступления и имеет право отбывать наказание без лишения свободы.

Согласно проведенному в 2024 г. аналитическому исследованию Vera Institute of Justice численность лиц, находящихся под электронным мониторингом с 2005 по 2021 год возросла с 55 тыс. до более чем 390 тыс. чел., что свидетельствует о закреплении данной меры как устойчивого инструмента уголовно-исполнительной политики и ее постепенной институционализации в системе альтернативных наказаний¹.

А. Ю. Забавина отмечает: «В совокупности расходы на электронный мониторинг в качестве альтернативы тюремному заключению и надзору обходится США в 4 раза дешевле, чем содержание лица в тюрьме и содержание части контролирующего аппарата» [2, с. 160]. В американской практике электронного мониторинга сформировалась устойчивая классификация технических средств слежения, каждое из которых обладает собственными функциональными характеристиками и сопряжено с определенными рисками при их использовании.

Наиболее широко применяются GPS-локаторы, обеспечивающие постоянное спутниковое отслеживание местоположения поднадзорного лица в режиме реального времени. Наряду с ними используются радиочастотные браслеты (RF-устройства), которые фиксируют нахождение человека в определенной зоне и позволяют контролировать соблюдение режима, например, запрета выхода за пределы жилища в установленные часы [3]. Все чаще используются гибридные системы, совмещающие функции GPS-мониторинга и биометрического контроля (например, отслеживание местоположения в сочетании с анализом содержания алкоголя в организме). Указанные средства электронного контроля не только выполняют технические задачи, но и порождают комплекс правовых вопросов, связанных с точностью и достоверностью собираемых данных, пределами их хранения и использования, а также с объемом вмешательства в частную жизнь и допустимостью контроля «в реальном времени».

Стоит отметить, что в Соединенных Штатах отсутствует единый федеральный акт, специально регулирующий применение электронного мониторинга. На федеральном уровне регулирование фрагментарно и в значительной степени делегировано штатам, местным юрисдикциям и федеральным агентствам. Так, Служба иммиграционного и таможенного контроля США «ICE» управляет собственными программами альтернативного содержания «Alternatives to Detention», включая использование электронных средств слежения, таких как GPS-устройства и мобильные приложения².

На уровне штатов формируются собственные нормативные акты, детально регулирующие применение электронного мониторинга. Например, в Калифорнии принят Уголовный кодекс, согласно разд. 3010 и 1203.016 которого допускается непрерывный электронный мониторинг лиц, находящихся на условно-досрочном освобождении, а также участников программ надзора. Эти нормы устанавливают максимальные сроки контроля, процессуальные гарантии и требования к участию. Однако практика применения электронного мониторинга варьируется между штатами по объему программ, критериям отбора и процедурам.

Примечательно то, что в отличие от стран континентальной Европы, где система электронного мониторинга в значительной мере интегрирована в публичные институты,

¹ Vera Institute of Justice. People on Electronic Monitoring. Полный отчет и аналитика по числам и практикам использования EM в США. 2024. С. 54. URL: <https://clck.ru/3P9HrV> (дата обращения: 10.09.2025).

² ICE. Alternatives to Detention (ATD) Program. U.S. Immigration and Customs Enforcement. 2025. URL: <https://www.ice.gov/features/atd> (дата обращения: 11.09.2025).

в США отмечается высокая степень вовлечения частного сектора в организацию надзора. Так, подрядные компании не только поставляют оборудование, но и обеспечивают техническую эксплуатацию систем, обслуживание баз данных, программное сопровождение и администрирование [4]. В результате складывается ситуация, при которой частные корпорации фактически получают управленческие полномочия в сфере, традиционно относящейся к исключительной компетенции государства [5].

Такое перераспределение функций чревато институциональными противоречиями. Во-первых, возникает конфликт интересов, так как коммерческие компании объективно заинтересованы в расширении объема оказываемых услуг и увеличении доходов, что может стимулировать сохранение или даже расширение масштабов надзора. Во-вторых, происходит снижение уровня публичной подотчетности, поскольку контроль за подрядчиками носит ограниченный и фрагментарный характер. Кроме того, одним из наиболее уязвимых аспектов коммерциализации электронного мониторинга является так называемая практика платного надзора (*pay-to-stay supervision*). По данным Национального центра защиты прав потребителей (National Consumer Law Center), лица, находящиеся под электронным мониторингом, нередко обязаны оплачивать как установку оборудования (от 50 до 150 долларов США), так и регулярные ежемесячные платежи, достигающие 300–500 долларов¹.

Таким образом, финансовая нагрузка переносится с государства на поднадзорных лиц, что противоречит принципам социальной справедливости и усиливает экономическое неравенство. Для социально уязвимых категорий данная практика становится фактором вторичной криминализации: невыполнение финансовых обязательств нередко влечет за собой повторное заключение.

Негативные последствия коммерциализации электронного мониторинга неоднократно становились предметом внимания законодателя. Так, в 2024 г. группа сенаторов во главе с Э. Уоррен направила запросы крупнейшим подрядчикам с требованием раскрыть данные о структуре тарифов, условиях контрактов и политике взимания платежей [6]. В указанных документах подчеркивается, что непрозрачность финансовых практик и неравномерность распределения расходов подрывают легитимность системы наказаний.

Анализ американской модели электронного мониторинга демонстрирует противоречие между декларируемой гуманистической функцией данной меры и фактической практикой ее коммерциализации. Участие частных подрядчиков в системе электронного мониторинга, с одной стороны, обеспечивает технологическую гибкость и масштабируемость, с другой – формирует риски, связанные с конфликтом интересов, финансовым давлением на социально уязвимые группы, дефицитом публичного контроля и концентрацией значительного массива персональных данных в руках коммерческих структур. Эти обстоятельства ставят под сомнение возможность достижения целей уголовного правосудия исключительно через рыночные механизмы и свидетельствуют о необходимости нормативного вмешательства. Представляется, что только в условиях должного правового контроля электронный мониторинг способен обеспечить достижение целей уголовного правосудия в соответствии с принципами правового государства и международными стандартами защиты прав человека.

¹ National Consumer Law Center. *Commercialized (In)Justice: Consumer Abuses in the Bail and Corrections Industry*. 2019. URL: <https://www.nclc.org/wp-content/uploads/2022/09/report-commercialized-injustice.pdf>. (дата обращения: 11.09.2025).

Франция: институционализация электронного мониторинга

Французская система электронного мониторинга (Placements sous surveillance électronique, PSE) возникла в конце 1990-х годов как результат стремления снизить уровень тюремной переполненности и интегрировать альтернативные меры наказания в национальную уголовно-исполнительную политику. Ключевым нормативным актом, закрепившим электронное наблюдение в правовом поле, стал Закон от 19 декабря 1997 г. № 97-1159, который определил электронный мониторинг как самостоятельную форму исполнения наказаний, лишающих свободы.

В 2005 г. во Франции был введен режим «помещение под мобильное электронное наблюдение», предусматривающий использование GPS-браслетов для контроля за осужденными, представляющими повышенную опасность, прежде всего в случаях сексуальных преступлений и рецидива. Эта мера была закреплена в Законе от 12 декабря 2005 г. № 2005-1549 «О борьбе с рецидивом преступлений».

Следующим важным этапом стало принятие Закона от 23 марта 2019 г. № 2019-222 «О программировании и реформе для правосудия», который модифицировал систему «домашний арест под электронным наблюдением» и учредил режим «содержание под стражей под домашним арестом под электронным наблюдением», фактически превратив электронный мониторинг в самостоятельное наказание, а не только в форму исполнения уже назначенной санкции.

По данным Министерства юстиции Франции, в 2023 г. под электронным надзором находилось свыше 13 000 лиц, что составляет значительную долю среди применяемых мер, альтернативных заключению¹.

Согласно отчету Счетной палаты Франции (Courdescomptes) за 2025 г. доля применения электронного мониторинга стабильно возрастает, при этом система позволяет сократить расходы на содержание осужденных в местах лишения свободы и снизить уровень рецидивов². Как отмечает А. И. Ковалева, «лица, в отношении которых избрана мера в виде электронного контроля и надзора, находятся в ведении служб пробации» [7, с. 41].

В отличие от американской модели французская система характеризуется высоким уровнем публичного контроля и ограниченным вовлечением частного сектора. Поставка оборудования и техническая поддержка в какой-то степени выполняются подрядными организациями, однако стратегическое управление, администрирование и принятие решений находятся исключительно в ведении государственных структур. Такая конструкция снижает риски коммерциализации надзора и исключает практику «платного контроля», когда расходы перекадываются на самих поднадзорных.

Тем не менее во Франции отмечаются правовые и социальные вызовы. По данным отчетов неправительственных организаций, чрезмерная зависимость от электронного мониторинга может приводить к «расширению карательной сети» (net-widening), когда

¹ См.: Министерство юстиции. Ключевые показатели правосудия за 2023 г. Париж, 2023. URL: <https://clk.li/Mqrj> (дата обращения: 15.09.2025).

² См.: Счетная палата. Оценка двух альтернативных тюремному заключению наказаний: общественные работы (TIG) и домашнее заключение под электронным наблюдением (DDSE). Публичный отчет, март 2025 г. URL: <https://www.ccomptes.fr/sites/default/files/2025-03/20250304-synthese-Evaluation-2-peines-alternatives-a-l-incarceration.pdf> (дата обращения: 15.09.2025).

вместо сокращения числа заключенных растет общее количество лиц под контролем уголовно-исполнительной системы¹.

Таким образом, французская модель электронного мониторинга демонстрирует иной вектор развития по сравнению с американской практикой. Акцент в ней сделан на нормативное закрепление и институциональное оформление процедуры применения электронного контроля, что выражается в детальной регламентации порядка его использования, сохранении ведущей роли государства и ограничении коммерческих интересов. Такой подход позволяет минимизировать риски финансового давления на осужденных и укрепляет легитимность рассматриваемой меры. Вместе с тем расширение сферы применения электронного мониторинга требует постоянного поиска баланса между эффективностью контроля, соблюдением прав человека и недопущением чрезмерной криминализации общества.

Германия: минимизация вмешательства

В Германии институт электронного мониторинга («электронный мониторинг проживания», или так называемый ножной браслет) был закреплен лишь с 1 января 2011 г., когда в ст. 68б № 12 Уголовного кодекса ФРГ было внесено дополнение, в соответствии с которым лицам, находящимся под надзором, разрешено выдавать предписания о ношении устройства для электронного контроля за их местонахождением.

Важную роль в развитии электронного мониторинга сыграло создание в 2012 г. Объединенного управления электронного мониторинга штатов (GÜL) – межземельного центра, функционирующего на основе соглашения федеральных земель. Он обеспечивает техническую инфраструктуру, круглосуточный мониторинг и обработку поступающих данных². Вопросы межтерриториальной координации и практические аспекты функционирования межземельных центров рассмотрены в работах Л. С. Кравчука и ряда других исследователей [8, с. 92].

Стоит отметить, что в Германии электронный мониторинг рассматривается не как самостоятельная мера наказания, а как вспомогательная мера, назначаемая в исключительных случаях в рамках надзора за поведением лиц после отбытия наказания, признанных социально опасными. Это, как правило, лица, отбывшие наказание за тяжкие преступления, в особенности сексуальные, а также преступники-рецидивисты, в отношении которых установлена высокая степень риска совершения новых правонарушений. Данный подход, как отмечает И. Н. Медведева, подтверждает, что электронный мониторинг в Германии носит преимущественно превентивный характер и направлен на защиту общества от особо опасных преступников [9, с. 332].

Используемые технические устройства основаны на GPS-технологиях и позволяют отслеживать перемещения осужденных. При этом законодательство прямо запрещает создание «тотального контроля». Вмешательство в личную жизнь должно быть строго соразмерным и обоснованным конкретной опасностью. Так, вопрос конституционной допустимости применения электронного мониторинга в Германии неоднократно становился предметом судебных разбирательств. Наиболее значимым решением в данной

¹ См.: OIP (международная обсерватория тюрем). Электронный браслет: лекарство от тюремных недугов? Анализ. 2022. URL: <https://oip.org/analyse/bracelet-electronique-le-remede-aux-maux-de-la-prison> (дата обращения: 15.09.2025).

² См.: Объединенное управление электронного мониторинга штатов (GÜL). URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Gemeinsame_elektronische_%C3%9Cberwachungsstelle_der_L%C3%A4nder (дата обращения: 15.09.2025).

области является постановление Федерального конституционного суда от 1 декабря 2020 г.¹, в котором рассматривалось соответствие норм ст. 68б Уголовного кодекса ФРГ, регулирующих применение электронного мониторинга, положениям Основного закона Германии.

Федеральный конституционный суд признал саму возможность применения электронного мониторинга конституционно допустимой, однако установил жесткие пределы для его реализации. Суд подчеркнул, что мера представляет собой серьезное вмешательство в сферу личной свободы, затрагивая право на неприкосновенность частной жизни и свободу передвижения. В связи с этим электронный мониторинг может применяться лишь в отношении лиц, представляющих исключительную общественную опасность, и только при условии строгого соблюдения принципа соразмерности, судебного контроля и ограниченности по сроку.

Такая конституционно-правовая интерпретация фактически привела к тому, что в Германии электронный мониторинг используется крайне ограниченно. По оценке профильных организаций, с 2000 г. в Германии было установлено порядка 2300 браслетов, из которых около 200 – в 2024 г.² Данная статистика резко контрастирует с практикой ряда других европейских стран, где электронный мониторинг применяется как массовая альтернатива лишению свободы. По состоянию на 31 января 2019 г. в Европе насчитывалось около двух миллионов лиц, в отношении которых применялось электронное наблюдение³.

Следует отметить, что дискуссия о расширении сферы применения электронного мониторинга в Германии продолжается. В частности, в 2025 г. на федеральном уровне рассматривался законопроект, предусматривающий возможность применения данной меры в делах о домашнем насилии, что фактически расширяет функциональное назначение электронного мониторинга за пределы традиционного уголовно-исполнительного контекста⁴.

Таким образом, немецкая модель отличается акцентом на минимизацию вмешательства в личную свободу, строгим соблюдением принципа соразмерности и судебного контроля. Мера не предназначена для массового применения, а ориентирована на предотвращение новых тяжких преступлений среди ограниченной категории лиц с высокой степенью риска. Кроме того, в отличие от Франции, где электронный мониторинг постепенно трансформируется в самостоятельную форму наказания, в Германии он сохраняет вспомогательный характер.

Заключение

Сравнительный анализ практики применения электронного мониторинга в США, Франции и Германии демонстрирует наличие принципиально различных подходов к его институционализации и правоприменению.

¹ См.: URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/2020/12/rs20201201_2bvr091611.html (дата обращения: 12.09.2025).

² Elektronische Fußfessel: «Einordnung und Stellungnahme...». URL: https://www.frauenhauskoordinierung.de/aktuelles/detail/fhk-stellungnahme-fussfessel-gesetzentwurf?utm_source (дата обращения: 02.10.2025).

³ См.: Пространство II-2019 – Ежегодная уголовно-исполнительная статистика Совета Европы: лица, находящиеся под надзором органов пробации. Страсбург : Совет Европы. URL: <https://www.coe.int/ru/web/portal/-/sanctions-and-measures-without-deprivation-of-liberty-increasingly-used-in-europe-new-survey> (дата обращения: 24.09.2025).

⁴ См.: Федеральное министерство юстиции. Пресс-релиз о внесении изменений в Закон о защите от насилия. 2025. URL: https://hdr4.bmj.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/DE/2025_A/0108_GewaltschutzG.html?utm (дата обращения: 12.09.2025).

Американская модель характеризуется максимальной широтой и функциональной гибкостью: электронные средства контроля применяются не только при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы, но и в рамках пробационного надзора, контроля за мигрантами и в случаях условно-досрочного освобождения. Подобная практика объясняется развитой системой децентрализованного управления и активным вовлечением частного сектора, что обеспечивает масштабность, но одновременно порождает риски коммерциализации уголовно-исполнительных функций.

Французский опыт демонстрирует иной вектор развития: электронный мониторинг интегрирован в систему альтернативных наказаний и ориентирован на снижение тюремной переполненности. Его применение строго регламентировано нормативными актами и сочетается с акцентом на социальную реабилитацию правонарушителей. При этом государство сохраняет исключительную коммерциализацию ведущую роль в управлении системой.

Немецкая модель, напротив, характеризуется минимизацией вмешательства и предельно узкой сферой применения. Электронный мониторинг назначается только в отношении лиц, представляющих исключительную общественную опасность, преимущественно после отбытия наказания за тяжкие преступления. Конституционно-правовая доктрина и судебная практика, в частности постановление Федерального конституционного суда от 1 декабря 2020 г., установили жесткие пределы допустимости вмешательства, что фактически закрепило за данным институтом статус меры исключительного характера.

Российская практика занимает промежуточное положение и остается крайне ограниченной. Электронный мониторинг применяется в отношении лиц, находящихся под домашним арестом, условно осужденных, а также осужденных к наказанию в виде ограничения свободы. Так, по данным ФСИН России, в 2023 г. под контролем системы электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ) находились 22,5 тыс. осужденных к ограничению свободы и 32,2 тыс. лиц, которым суд избрал домашний арест или запрет определенных действий¹.

Существенным барьером для развития электронного мониторинга в России был недостаточный уровень цифровизации в системе управления ФСИН России. Так, по данным аудита Счетной палаты за 2015–2017 гг. (опубликованного в октябре 2018 г.), внедрение информационных технологий в уголовно-исполнительной системе носит фрагментарный и малоэффективный характер: в системе функционируют 41 информационная система и программный продукт, но единая система так и не создана. При этом по состоянию на 1 января 2018 г. 72 % оборудования СЭМПЛ не эксплуатировалось, из них более 44 % было неисправно; электронному мониторингу подвергалось лишь 1,5 % из около 989 тыс. лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, а из выделенных на информатизацию ФСИН России 8,9 млрд руб. лишь 2,6 % направлялось на развитие информационных систем, в то время как 48 % расходов производились вне согласованных планов². Эти данные на момент их публикации указывали на системные проблемы в управлении ресурсами и реализации цифровой трансформации.

Тем не менее в последние годы руководство ФСИН России признает необходимость модернизации системы: заместитель директора ФСИН Сергей Щербаков в 2024 г. зая-

¹ См.: ФСИН хочет усовершенствовать электронные браслеты для домашних арестов. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21482339> (дата обращения: 20.09.2025).

² См.: Отчет о результатах контрольного мероприятия «Аудит эффективности использования государственных ресурсов на информатизацию Федеральной службы исполнения наказаний в 2015–2017 годах» // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2018. № 10. URL: <https://base.garant.ru/77520212/> (дата обращения: 25.09.2025).

вил, что текущая система «далека от совершенства» и требует качественного обновления: совершенствования связи, модернизации браслетов и повышения автономности устройств¹.

С вступлением в силу Федерального закона № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» с 1 января 2024 г. открываются реальные возможности для институционализации электронного мониторинга через интеграцию его в систему пробации. Закон о пробации создает правовую основу для комплексного надзора, включая ресоциализацию, социальную адаптацию и поддержку лиц, отбывающих наказания без изоляции от общества.

В целях совершенствования отечественной уголовно-исполнительной практики представляется целесообразным заимствование французской модели, основанной на строгом государственном контроле и широком использовании электронного мониторинга в качестве альтернативы лишению свободы. Одновременно определенный интерес представляет американский опыт, связанный с многообразием форм применения и высоким уровнем технологической инфраструктуры, что может быть адаптировано под потребности российских правовых норм, организационной структуры уголовно-исполнительной системы и практики функционирования ее органов.

Список источников

1. Зараменских Е. П., Смирнов Д. В., Артемьев И. Е. Принципы построения системы электронного мониторинга подконтрольных лиц в России : монография. Новосибирск : СИБ-ПРИНТ, 2011. 74 с.

2. Забавина А. Ю. Зарубежная практика и перспективы заимствования применения электронных браслетов в правоохранительной деятельности РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 4. С. 158–162.

3. James, P., Kilgore, J., Kirk, G., Mueller, G., Sanders, E., Staudt, S. & Wilson, J. 2022, *Cages Without Bars: Pretrial Electronic Monitoring Across the United States*, viewed 11 September 2025, <https://clck.ru/3P9NbG>.

4. Kofman, A. 2019, *Digital Jail: How Electronic Monitoring Drives Defendants Into Debt*, viewed 11 September 2025, <https://www.propublica.org/article/digital-jail-how-electronic-monitoring-drives-defendants-into-debt>.

5. Appleman, L. & Heffernan, M. 2024, *Big Capital & the Carceral State*, viewed 11 September 2025, https://papers.ssrn.com/sol3/Delivery.cfm/SSRN_ID4404200_code402774.pdf?abstractid=4404200.

6. Warren, E., Cárdenas, A. & et al. 2024, *Lawmakers Raise Concerns About Excessive Fees & Abusive Practices in the Electronic Monitoring and Private Probation Industries*, viewed 11 September 2025, <https://www.warren.senate.gov/newsroom/press-releases/warren-cardenas-lawmakers-raise-concerns-about-excessive-fees-and-abusive-practices-in-the-electronic-monitoring-and-private-probation-industries>.

7. Ковалева А. И., Фокина С. П. Альтернативные наказания в зарубежном контексте: преимущества и перспективы // Актуальные проблемы пенитенциарной науки и практики. 2024. № 2(22). С. 39–42.

8. Кравчук Л. С. О применении домашнего ареста с использованием электронных средств контроля в зарубежных странах (из опыта Федеративной Республики Германия и Австрии) // Вестник Белгородского юридического института. 2023. № 4. С. 91–99.

¹ См.: Во ФСИН заявили о планах улучшить электронные... URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2024/07/30/1052772-fsin-zayavili-planah?utm_source (дата обращения: 25.09.2025).

9. Медведева И. Н. О некоторых особенностях применения электронного мониторинга поднадзорных лиц в странах Европейского союза // Право и управление. 2024. № 9. С. 327–332.

References

1. Zaramenskikh, E. P., Smirnov, D. V. & Artemyev, I. E. 2011, *Principles of building an electronic monitoring system for controlled entities in Russia: monograph*, SIB-PRINT, Novosibirsk.
2. Zabavina, A. Y. 2015, 'Foreign practice and prospects of borrowing the use of electronic bracelets in law enforcement activities of the Russian Federation', *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 4, pp. 158–162.
3. James, P., Kilgore, J., Kirk, G., Mueller, G., Sanders, E., Staudt, S. & Wilson, J. 2022, *Cages Without Bars: Pretrial Electronic Monitoring Across the United States*, viewed 11 September 2025, <https://clck.ru/3P9NbG>.
4. Kofman, A. 2019, *Digital Jail: How Electronic Monitoring Drives Defendants Into Debt*, viewed 11 September 2025, <https://www.propublica.org/article/digital-jail-how-electronic-monitoring-drives-defendants-into-debt>.
5. Appleman, L. & Heffernan, M. 2024, *Big Capital & the Carceral State*, viewed 11 September 2025, https://papers.ssrn.com/sol3/Delivery.cfm/SSRN_ID4404200_code402774.pdf?abstractid=4404200.
6. Warren, E., Cárdenas, A. & et al. 2024, *Lawmakers Raise Concerns About Excessive Fees & Abusive Practices in the Electronic Monitoring and Private Probation Industries*, viewed 11 September 2025, <https://www.warren.senate.gov/newsroom/press-releases/warren-cardenas-lawmakers-raise-concerns-about-excessive-fees-and-abusive-practices-in-the-electronic-monitoring-and-private-probation-industries>.
7. Kovaleva, A. I. & Fokina, S. P. 2024, 'Alternative punishments in a foreign context: advantages and prospects', *Actual problems of penitentiary science and practice*, iss. 2(22), pp. 39–42.
8. Kravchuk, L. S. 2023, 'On the use of house arrest using electronic controls in foreign countries (from the experience of the Federal Republic of Germany and Austria)', *Bulletin of the Belgorod Law Institute*, iss. 4, pp. 91–99.
9. Medvedeva, I. N. 2024, 'On some features of the use of electronic monitoring of supervised persons in the countries of the European Union', *Law and management*, iss. 9, pp. 327–332.

Информация об авторе

Н. А. Силантьева – аспирант кафедры публичного и уголовного права.

Information about the author

N. A. Silantyeva – postgraduate student of the public and criminal law department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 10.10.2025; одобрена после рецензирования 20.11.2025; принята к публикации 19.01.2026.

The article was submitted 10.10.2025; approved after reviewing 20.11.2025; accepted for publication 19.01.2026.